

Макс Вебер

ОСНОВНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ

Предварительные замечания

Метод предлагаемого ниже вводного определения понятий, без которого трудно обойтись, но который неизбежно должен восприниматься как абстрактный и далекий от реальной действительности, отнюдь не претендует на новизну. Напротив, его назначение — сформулировать несколько более целесообразно и корректно, как мы надеемся (что, впрочем, может показаться педантизмом), то, что фактически всегда имеет в виду эмпирическая социология, занимаясь данными проблемами. Это относится и к тем случаям, когда мы вводим как будто непривычные или новые выражения. Терминология в данной статье, по сравнению с другими, по мере возможности упрощена и поэтому в ряде случаев из соображений большей доступности изменена. Стремление к популяризации, правда, не всегда совместимо с соблюдением наибольшей точности и в ряде случаев должно быть принесено ей в жертву.

I. ПОНЯТИЕ СОЦИОЛОГИИ И «СМЫСЛА» СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие.

«Действием» мы называем действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер, сводится ли к невмешательству или терпеливому

[602]

приятию), если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами *смыслу* соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него.

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

1. Слово «смысл» имеет здесь два *значения*. Он может быть: а) *смыслом*, действительно субъективно *предполагаемым* действующим лицом в данной исторической ситуации, или приближенным, средним *смыслом*, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным *чистым* типом *смысла*, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации. Здесь вообще не идет речь о каком-либо объективно «правильном» или метафизически постигнутом «истинном» *смысле*. Этим эмпирические науки о действии — социология и история — отличаются от всех догматических наук — юриспруденции, логики, этики, — которые стремятся обнаружить в своих объектах «правильный», «значимый» *смысл*.

2. Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым *смыслом*, не может быть точно проведена. Значительная часть социологически релевантного действия, особенно чисто традиционного по своему характеру (см. ниже), находится на границе того и другого. Осмысленное, то есть доступное пониманию, действие в ряде психофизических случаев вообще отсутствует, в других — может быть обнаружено только специалистами. Мистические, то есть адекватно не передаваемые словами, переживания не могут быть полностью поняты теми, кому они недоступны. Однако способность воспроизвести действие не есть обязательная предпосылка его понимания: «Чтобы понять Цезаря, не надо быть Цезарем». Полное сопереживание —

важное, но не абсолютно непреложное условие понимания смысла. Доступные и недоступные пониманию компоненты какого-либо процесса часто переплетаются и связываются.

3. Всякая интерпретация, как и наука вообще, стре-

[603]

мится к «очевидности». Очевидность понимания может быть по своему характеру либо рациональной (то есть логической или математической), либо—в качестве результата сопереживания и вчувствования — эмоционально и художественно рецептивной. Рациональная очевидность присуща тому действию, которое может быть полностью доступно *интеллектуальному* пониманию в своих преднамеренных смысловых связях. Посредством вчувствования очевидность постижения действия достигается в результате полного сопереживания того, что пережито субъектом в определенных *эмоциональных* связях. Наиболее рационально понятны, то есть здесь непосредственно и однозначно интеллектуально постигаемы, прежде всего смысловые связи, которые выражены в математических или логических положениях. Мы совершенно отчетливо понимаем, что означает, когда кто-либо в ходе своих мыслей или аргументации использует правило $2 \times 2 = 4$ или теорему Пифагора или строит цепь логических умозаключений в соответствии с «правильными», по нашим представлениям, логическими законами. Столь же понятны нам действия того, кто, отправляясь от «известных» «опытных данных» и заданной цели, приходит к однозначным (по нашему опыту) выводам в вопросе о выборе необходимых «средств».

Любое истолкование подобного рационально ориентированного целенаправленного действия обладает — с точки зрения понимания использованных *средств* — высшей степенью очевидности. Если не с такой же полнотой, то все-таки с достаточной ясностью, соответствующей присущей нам потребности в объяснении, мы понимаем такие «заблуждения» (в том числе смешение проблем), которые не чужды нам самим или возникновение которых мы способны посредством вчувствования сопереживать. Напротив, высочайшие «цели» и «ценности», на которые, как показывает опыт, может быть ориентировано поведение человека, мы часто полностью понять *не* можем, хотя в ряде случаев способны постигнуть его интеллектуально; чем больше эти ценности отличаются от наших собственных, важнейших для нас ценностей, тем труднее нам понять их в *сопереживании* посредством вчувствования, силою воображения. В зависимости от обстоятельств нам в ряде случаев приходится либо удовлетворяться чисто *интеллектуальным* истолкованием названных ценностей, либо, если и это оказывается невозможным, про-

[604]

сто принять их как данность и попытаться по возможности понять мотивированное ими поведение посредством интеллектуальной интерпретации или приближенного сопереживания (с помощью вчувствования) его общей направленности. Сюда относятся многие высочайшие акты религиозности и милосердия, недоступные тому, для кого они не существуют в качестве ценностей; в равной степени как недоступен и крайний рационалистический фанатизм, например, учения о «правах человека» тем, кто полностью его отвергает. Аффекты (страх, гнев, честолюбие, зависть, ревность, любовь, воодушевление, гордость, мстительность, почтение, преданность, различные стремления) и основанные на них иррациональные (с позиций целерационального поведения) реакции мы способны эмоционально сопережить тем интенсивнее, чем более сами им подвержены; если же они значительно превышают по своей интенсивности доступные нам переживания, мы можем понять их смысл посредством вчувствования и рационально выявить их влияние на характер поведения индивида и применяемые им средства.

Для *типологического* научного исследования все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и влияющие на его поведение, наиболее обозримы, если изучать и изображать их в качестве

«отклонений» от чисто целерационально сконструированного действия. Так, например, для объяснения «биржевой паники» целесообразно сначала установить, каким *было бы*. рассматриваемое поведение *без* влияния иррациональных аффектов, а затем ввести эти иррациональные компоненты в качестве «помех».

Равным образом и при исследовании какой-либо политической или военной акции целесообразно установить, каким *было бы* поведение участников события при знании ими всех обстоятельств дела, всех намерений и при строго целерационально (в соответствии со значимым для нас опытом) ориентированном выборе средств. Лишь в этом случае возможно свести отклонения от данной конструкции к обусловившим их иррациональным факторам. Следовательно, в подобных случаях конструкция целерационального действия — вследствие своей понятности и основанной на рациональности однозначности — служит в социологии *типом* («идеальным типом»), с помощью которого реальное, обусловленное различными иррацио-

[605]

нальными факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как «отклонение» от чисто рационально сконструированного.

Лишь в *этом смысле* и только по своей методологической целесообразности метод «понимающей» социологии «рационалистичен». Его не следует, конечно, трактовать как рационалистическую предпосылку социологии: его надо рассматривать только как методический прием и ни в коем случае не делать в данном случае вывод о действительном преобладании рационального в повседневной жизни. Ведь для понимания того, в какой степени рациональные целенаправленные моменты определяют *действительное* поведение — или не определяют его, — все эти соображения не имеют ни малейшего значения. (Тем самым мы отнюдь не отрицаем возможность неуместного применения рационалистического истолкования. К сожалению, опыт подтверждает реальность такой опасности.)

4. Во всех науках о поведении должны быть приняты во внимание такие чуждые смыслу явления, как повод к определенным действиям, результат каких-либо событий, стимулирование решений или препятствие их принятию. Поведение, чуждое осмыслению, не следует идентифицировать с «неодушевленным» или «нечеловеческим» поведением. Каждый артефакт, например «машина», может быть истолкован и понят только исходя из того смысла, который действующий человек (ориентированный на самые различные цели) связывает с его изготовлением и применением; без этого соотнесения назначение такого артефакта остается совершенно непонятным. Следовательно, пониманию в данном случае доступна только его соотнесенность с *действиями* человека, который видит в нем либо «средство», либо цель и ориентирует на это свое поведение. *Только* в этих категориях возможно понимание такого рода объектов. Чуждыми смыслу остаются все процессы или явления (живой или мертвой природы, связанные с человеком или происходящие вне его), лишенные *предполагаемого* смыслового содержания, выступающие *не* в качестве «средства» или «цели» поведения, а являющие собой лишь его повод, стимул или помеху. Так, например, штормовой прилив, в результате которого образовался Долларт в начале XII в., имел (быть может) «историческое» значение в качестве повода к процессу переселения, ока-

[606]

завшего достаточно серьезное влияние на последующую историю названного региона. Процесс угасания и органический жизненный цикл вообще — от беспомощности ребенка до беспомощности старца. — имеют, конечно, первостепенное социологическое значение ввиду различий в человеческом поведении, которое всегда ориентировалось и продолжает ориентироваться на это обстоятельство. Иную категорию образуют недоступные пониманию опытные данные о процессах, связанных с психическими и психофизиологическими явлениями (с утомлением, упражнениями памяти и т.п.), а также, например, такие процессы, как эйфории при различных аскетических самоистязаниях, расхождение индивидуальных реакций по темпу, виду, ясности и т.д. В конечном итоге положение дел здесь такое же, как и при других

недоступных пониманию явлениях. В подобных случаях и в аспекте практической деятельности, и в аспекте понимающего рассмотрения они принимаются как «данность», с которой надо считаться.

Возможно, что в будущем исследование выявит недоступное пониманию единообразие и в специфически осмысленном поведении, хотя до сих пор такие закономерности установлены не были. Так, различия в биологической наследственности (например, «расовые») — если и поскольку были бы сделаны статистически подтвержденные выводы об их влиянии на тип социологически релевантного поведения, особенно на социальное поведение, в аспекте его *смысловой* соотнесенности — следовало бы принять в социологии как данность, наподобие того, как принимаются физиологические факты, такие, как потребность человека в питании или воздействие старения на его поведение. Признание каузального значения таких данных, безусловно, ни в какой мере не изменило бы задач социологии (и наук о поведении вообще), которые заключаются в интерпретирующем понимании осмысленно ориентированных человеческих действий. Социология должна была бы в этом случае только включить в определенные пункты своих допускающих интерпретированное понимание мотивационных связей факты, недоступные пониманию (например, типическую связь между повторяемостью определенной целевой направленности поведения или степенью его типической рациональности с черепным индексом или цветом кожи или какими-нибудь другими наследственны-

[607]

ми характеристиками), которые отчасти принимаются во внимание и теперь (см. выше). 5. Понимание может быть: 1) *непосредственным* пониманием предполагаемого смысла действия (в том числе и высказывания). Мы непосредственно «понимаем», например, смысл правила $2 \times 2 = 4$, когда мы слышим или читаем его (рациональное непосредственное понимание мыслей), или гневную вспышку, которая проявляется в выражении лица, междометиях, иррациональных жестах (иррациональное непосредственное понимание аффектов), действие дровосека, человека, протягивающего руку к двери, чтобы закрыть ее, охотника, прицеливающегося, чтобы выстрелить в зверя (рациональное непосредственное понимание действий).

Но пониманием мы называем также: 2) *объясняющее* понимание. Мы «понимаем» *мотивационно*, какой смысл вкладывал в правило $2 \times 2 = 4$ тот, кто его высказал или записал, почему он это *сделал* именно теперь и в этой связи, если видим, что он занят коммерческой калькуляцией, демонстрацией научного опыта, техническими расчетами или любой другой деятельностью, в рамки которой по своему понятному нам *смыслу* данное правило может быть включено, где оно обретает понятную нам смысловую *связь* (понимание рациональной мотивации). Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом, не только непосредственно, но и мотивационно, в том случае, если нам известно, что первый действует либо за плату, либо для своих хозяйственных нужд, либо отдыхая от других дел (рациональное действие), либо стремясь снять возбуждение (иррациональное действие), а прицеливающийся перед выстрелом человек действует либо по приказу, выполняя приговор или сражаясь с врагом (то есть рационально), либо из мести (под влиянием аффекта, то есть иррационально). Мы можем, наконец, мотивационно понять гнев, если знаем, что он вызван ревностью, ущемленным тщеславием, покушением -на честь (действие, обусловленное аффектом, то есть иррациональное по своим мотивам). Все это—понятные нам *смысловые связи*, понимание их мы рассматриваем как *объяснение* фактического действия. Следовательно, в науке, предметом которой является смысл поведения, «объяснить» означает постигнуть смысловую

[608]

связь, в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие. (О каузальном значении этого объяснения см. ниже, § 6.) Во всех этих случаях, в том числе и тех, где действуют аффекты, мы будем определять субъективный смысл событий, а также и смысловые связи как *предполагаемый* смысл (выходя тем самым за рамки

обычного словоупотребления, где о «предположении» в таком понимании говорят только при рациональном или целенаправленном поведении).

6. «Понимание» во всех этих случаях означает интерпретирующее постижение: а) реально предполагаемого в отдельном случае (при историческом анализе событий), б) предполагаемого, взятого в среднем и приближенном значении (при социологическом рассмотрении массовых явлений), в) смысла или смысловой связи в научно конструируемом *чистом* типе («идеальном типе») некоего часто повторяющегося явления. Подобными идеально-типическими конструкциями служат, например, разработанные чисто теоретическим экономическим учением понятия и «законы». Они показывают, каким *было бы* определенное человеческое поведение, *если бы* оно носило строго целерациональный характер, было бы свободно от заблуждений и аффектов и *если бы* оно ориентировалось на совершенно однозначную цель (экономику). Реальное поведение чрезвычайно редко (например, в ряде случаев на бирже), и то только приближенно, соответствует конструкции идеального типа.

Каждое толкование стремится, конечно, к ясности. Однако сколь бы ясным по своему смыслу ни было толкование, оно тем самым еще не может претендовать на каузальную *значимость* и всегда остается лишь наиболее вероятной *гипотезой*, а) «Мотивы», которые данный индивид приводит, и те, которые он «подавляет» (то есть скрытые мотивы), часто настолько маскируют — даже в сознании самого действующего лица — подлинную связь его действий, что и субъективно искренние свидетельства имеют лишь относительную ценность. В этом случае задача социологии — выявить связь между отдельными мотивами и посредством истолкования установить ее подлинный характер, невзирая на то что она обычно (или большей частью) не может считаться полностью конкретно предполагаемой, *осознанной* инди-

[609]

видом. Это — пограничный случай истолкования смысла поведения, б) В основе поведения, представляющегося нам «одинаковым» или «похожим», могут лежать самые различные смысловые связи, и мы «понимаем» значительно отклоняющиеся друг от друга, подчас противоречивые типы поведения в ситуациях, которые мы считаем «однородными». (Примеры этого см. в работе Зиммеля «Проблемы философии истории».) в) Действующие в определенных ситуациях люди часто испытывают противоречивые, борющиеся друг с другом импульсы, которые мы, несмотря на их различия, «понимаем». Однако в какой степени и с какой *силой* выражают себя в поведении человека эти различные, ведущие «мотивационную борьбу», *одинаково* нам понятные смысловые связи удастся, как показывает опыт, установить в большинстве случаев лишь приближенно и, уж во всяком случае, без полной уверенности в правильности наших выводов. Подлинное решение данного вопроса дает лишь результат мотивационной борьбы. Следовательно, здесь, как и при любой другой гипотезе, необходимую верификацию нашего понимания смысла и его истолкования дает результат, фактический ход событий. К сожалению, такая верификация может быть с относительной точностью достигнута при проведении психологических экспериментов только в редких, специфических по своему типу случаях — с самой различной степенью приближенности (также в ограниченном числе случаев) при статистическом исчислении однозначных массовых явлений. В остальном мы располагаем только возможностью сравнивать наибольшее число доступных нам исторических процессов или явлений повседневной жизни, одинаковых во всем, кроме *одного* решающего пункта — «мотива» или «импульса», исследуемого нами в его практическом значении. Это — важная задача сравнительной социологии. Часто, правда, остается только возможность применить столь ненадежное средство, как «мысленный эксперимент»; он состоит в том, что мы *мысленно* устраним отдельные компоненты мотивационного ряда и конструируем затем вероятный процесс развития, чтобы таким образом применить метод каузального сведения.

Например, так называемый «закон Грешема» — это рационально убедительное истолкование человеческого поведения при заданных условиях и идеально-типической предпосылке чисто целерационального поведения. В ка-

[610]

кой степени *действительные* действия соответствуют этому закону, показывает только (выраженный в принципе в той или иной мере статистический) подсчет, свидетельствующий о фактическом исчезновении из денежного обращения неполноценных монет; в самом деле, как правило, опыт в значительной степени подтверждает значимость «закона Грешема». В данном случае познание фактически шло таким путем: *сначала* был получен экспериментальный материал, затем сформулировано его истолкование. Однако без такой интерпретации фактов мы не могли бы каузально объяснить данное явление. С другой стороны, отсутствие доказательства, что мысленно установленный (мы будем исходить из этого) характер поведения действительно в той или иной степени встречается, означало бы, что, невзирая на его теоретическую убедительность, данный «закон» — просто конструкция, не представляющая ценности для анализа конкретного поведения людей. В нашем примере соответствие адекватности по смыслу и верификации посредством опыта очевидно; достаточное количество таких случаев подтверждает значимость произведенной проверки. Что касается остроумной, убедительной гипотезы Э. Майера о каузальном значении битв при Марафоне, Саламине и Платеях для специфического развития эллинской (а следовательно, и всей западной) культуры, гипотезы, в которой он опирается на ряд симптоматических моментов (на отношение к персам эллинских оракулов и пророков), то она может быть проверена только с помощью данных о поведении персов там, где они одержали победу (в Иерусалиме, Египте, Малой Азии), хотя и такое доказательство остается во многих отношениях несовершенным. Аргументом в пользу указанной гипотезы может служить ее серьезная рациональная убедительность. Однако в очень многих случаях, казалось бы, вполне убедительного исторического каузального сведения нет ни малейшей возможности прибегнуть даже к такой проверке, которая оказалась возможной в предыдущем примере. Тогда каузальное сведение остается чистой «гипотезой».

7. «Мотивом» называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия. «Адекватным смыслу» мы назовем единое в своих проявлениях действие в той мере, в какой соотношение между

[611]

его компонентами представляется нам с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим, правильным) смысловым единством. «Каузально адекватной» мы назовем последовательность событий, если в соответствии с *опытными* правилами можно предположить, что она всегда будет таковой. (Адекватным *смыслу* является *правильное* в соответствии с принятыми *нормами* исчисления или мышления решение задачи. *Каузально* адекватной --в рамках статистической повторяемости — основанная на опытных правилах вероятность «правильного» или «неправильного» — соответственно упомянутым нормам --решения, следовательно, и вероятность типичной «ошибки в вычислениях» или типичного «смещения проблем».) Следовательно, каузальное объяснение означает, что в соответствии с *правилом* вероятности (каким-либо образом выраженным, редко — в идеальном случае — квантитативно) за определенным наблюдаемым (внутренним или внешним) событием следует определенное другое событие (или сопутствует ему).

Правильное каузальное толкование конкретного *действия* означает, что соответствие внешнего хода событий его мотивам познано *правильно и что они стали понятны* по смыслу своего соотношения. *Правильное* каузальное толкование *типичного* действия (понятного типа действия) означает, что процесс, принятый в качестве типичного, представляется (в известной степени) адекватным смыслу и может быть установлен как (в известной степени) каузально адекватный. Если же адекватность смыслу отсутствует, то, невзирая на высокую степень регулярности (внешнего или психического процесса), допускающую точное цифровое выражение его вероятности, мы имеем дело только с *непонятной* (или не вполне понятной) *статистической* вероятностью. С другой стороны, даже самая очевидная адекватность смыслу

имеет для социологии значение правильного *каузального* определения лишь в той мере, в какой может быть доказана *вероятность* (любым образом выраженная) того, что рассматриваемое действие *в самом деле* обычно протекает адекватно смыслу с повторяемостью, допускающей достаточно точное или приближенное выражение (в среднем или идеально-типическом случае). Лишь такого рода статистические виды регулярности, которые соответствуют субъективно *понятному* смыслу

[612]

социального действия, являются (в принятом здесь значении) типами понятного действия, то есть «социологическими закономерностями». Лишь те рациональные конструкции понятного по своему смыслу действия представляют собой социологические типы реальных процессов, которые, хотя бы приближенно, можно наблюдать в реальности. Дело совсем не в том, что реальная вероятность повторяемости действия *всегда* прямо пропорциональна возможности выявить его адекватность смыслу. В каждом данном случае это устанавливается только экспериментальным путем. Объектом *статистических* исчислений могут быть как *лишенные* смысла, так и осмысленные процессы. (Существует статистика смертности, утомляемости, машинной производительности, выпадения осадков.) *Социологическая* же статистика занимается исчислениями только осмысленных процессов (статистика уголовных преступлений, профессий, цен, посевной площади). Само собой разумеется, что часто встречаются случаи, *объединяющие* оба типа; сюда относится, например, статистика урожая.

8. События и единообразия, которые, будучи в принятом здесь смысле непонятными, не могут быть определены как «социологические факты» или закономерности, конечно, не становятся от этого менее *важными*. В том числе и для социологии в принятом здесь смысле этого слова. (Мы ограничиваемся в нашем исследовании «понимающей социологией», не собираясь никому ее навязывать, что, впрочем, и не в наших силах.) Они просто перемещаются — и это методически необходимо — в другую сферу, сферу условий, поводов, помех, благоприятных факторов и т. п.

9. «Поведение» в качестве понятной по своему смыслу ориентации собственных действий всегда являет собой для нас действие одного или нескольких *отдельных* лиц.

Для иных познавательных целей, может быть, и полезно, даже необходимо, рассматривать, например, индивида как объединение «клеток» или совокупность биохимических реакций или полагать, что его «психическая» жизнь конституируется из ряда отдельных элементов (квалифицированных любым образом). Такой метод, бесспорно, может дать ценные познавательные данные (каузальные правила). Однако это выраженное в правилах поведение элементов мы не *понимаем*. Не понимаем

[613]

и тогда, когда речь идет о психических элементах, причем тем в меньшей степени, чем точнее они постигнуты в их естественнонаучном значении. Для интерпретации, основанной на предполагаемом смысле, такой метод неприемлем. Между тем для социологии (в принятом здесь значении слова) и истории объектом постижения является именно *смысловая* связь действий. За поведением физиологических единиц, например клеток, или каких-либо психических элементов мы можем (в принципе во всяком случае) наблюдать и пытаться вывести из этого наблюдения какие-либо заключения, устанавливать правила («законы») и с их помощью каузально объяснять, то есть подводить под правила отдельные феномены. Однако интерпретирующее понимание поведения принимает во внимание подобные факты и правила лишь в той мере (и в том смысле), как и любые другие—физические, астрономические, геологические, метеорологические, географические, ботанические, зоологические, физиологические, анатомические, субъективно не осмысленные психопатологические факты или естественнонаучные условия технических фактов.

Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических, может быть, напротив, целесообразно и даже неизбежно рассматривать

социальные образования («государство», «ассоциацию», «акционерное общество», «учреждение») совершенно так же, как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, *совершающих* релевантные в правовом отношении действия). Для понимающей социологии, интерпретирующей поведение людей, эти образования — просто процессы и связи специфического поведения *отдельных* людей, так как только они являются собой понятных для нас носителей осмысленных действий. Несмотря на это, однако, социология и для своих целей не может *игнорировать* коллективные мысленные образования, полученные с других позиций. Ибо толкование поведения связано с этими коллективными понятиями следующим образом:

а) Социология также часто вынуждена пользоваться подобными коллективными понятиями (нередко совершенно одинаково обозначая их), для того чтобы вообще обрести понятную *терминологию*. Так, например, в юридической и повседневной речи под «государством» понимают как *понятие*, так и фактическое социальное по-

[614]

ведение, для которого должны быть значимы правовые установления. Для социологии в понятие «государство» необязательно входят только релевантные в *правовом* отношении компоненты или именно они. И уж во всяком случае, она не занимается «действиями» коллективных субъектов. Если в социологии речь идет о «государстве» или «нации», об «акционерном обществе» или о «семье», о «воинском подразделении» и других «образованиях» такого рода, то имеется в виду *только* определенный тип поведения отдельных людей, конкретный или конструированный в качестве возможного. Другими словами, в юридическое понятие, которое здесь используется из-за его точности и распространенности, вводится совсем иное смысловое содержание.

б) При толковании поведения необходимо принимать во внимание тот основополагающий факт, что коллективные образования, заимствуемые социологией из повседневного, юридического (или любого другого специального по своему характеру) мышления, являются собой определенные *представления* в умах конкретных людей (не только судей и чиновников, но и «публики») о том, что отчасти реально существует, отчасти должно бы обладать значимостью: на эти представления люди *ориентируют* свое поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее каузальное значение для поведения людей. В первую очередь как представления о том, что должно (или *не должно*) иметь значимость. Современное государство в значительной степени функционирует как комплекс специфических совместных действий людей *потому*, что определенные люди ориентируют свои действия на *представление*, что оно существует или *должно* существовать, потому, следовательно, что юридически ориентированные установления сохраняют свою *значимость*. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Если бы в рамках чисто социологической терминологии и можно было полностью исключить (что было бы проявлением излишнего педантизма, осложняющего исследование) эти понятия — используемые в повседневной речи не *только* там, где они должны иметь юридическую силу, но и в применении к реальным событиям — и заменить их новыми терминами, то для данного важного явления даже это, безусловно, исключено.

[615]

в) Метод так называемой «органической» социологии (классическим примером может служить интересная книга Шеффле «Структура и жизнь социального тела») направлен на то, чтобы объяснить совокупность социальных действий, отправляясь от «целого» (например, «народного хозяйства», в рамках которого индивид и его поведение толкуются подобно тому, как в физиологии объясняется функция «органа» тела в «системе» организма, то есть с точки зрения «сохранения» организма в целом). (Ср. знаменитое изречение в лекции одного физиолога: «§ X. Селезенка. О селезенке, господа, мы ничего не знаем. Вот все о селезенке!» Конечно, этот физиолог достаточно много «знал» о селезенке — ему было известно, где она находится,

известна ее величина, форма и т. п.; он не мог только определить ее «функцию», и отсутствие такой возможности он называл «незнанием».) Здесь мы не будем касаться того, в какой мере в других дисциплинах функциональный метод, рассмотрение частей некоего «целого» считается (вынужденно) исчерпывающим; известно, что в биохимическом и биомеханическом анализе указанный метод признан недостаточным. В интерпретирующей социологии такой метод может служить следующим целям:

1. Практической наглядности и предварительной ориентации. В этой его функции он бывает чрезвычайно полезен, даже необходим; однако переоценка его познавательной ценности и излишняя его реификация может принести большой вред.

2. В ряде случаев только указанный метод позволяет нам выявить тот тип социального поведения, интерпретирующее понимание которого *важно* для объяснения определенных связей. Однако на этой стадии социологическое исследование (в нашем понимании) только *начинается*. Ведь, изучая «социальные образования» (в отличие от «организмов»), мы способны выйти *за пределы* простого установления функциональных связей и правил («законов») и дать то, что совершенно недоступно всем «естественным наукам» (устанавливающим для событий и образований каузальные правила, на основании которых затем «объясняются» отдельные события). Мы *понимаем* поведение отдельных *индивидов*, участвующих в событиях, тогда как поведение клеток мы «понять» *не* можем, а можем только постигнуть его функционально. а затем установить *привила* данного процесса. Преиму-

[616]

щество интерпретирующего объяснения по сравнению с объяснением, основанным на наблюдении, достигается. правда, за счет большей гипотетичности и фрагментарности полученных выводов, но тем не менее именно оно является специфическим свойством социологического познания.

Мы оставляем в стороне вопрос, в какой мере поведение животных может быть нам «понятным» по своему смыслу, а также обратное: в какой мере смысл наших действий «понятен» животным — то и другое очень неопределенно по своему значению и своим границам,— другими словами, мы не ставим здесь проблему, в какой мере теоретически мыслима социология, изучающая отношение человека к животным (домашним и диким). Многие животные «понимают» приказание, гнев, любовь, агрессивность и часто реагируют на них совсем не только механически и инстинктивно, но и в какой-то степени сознательно, осмысленно и ориентируясь на свой опыт. По существу, и наша способность вчувствоваться в поведение «первобытных людей» не многим больше. Для понимания субъективного смысла в поведении животного мы либо вообще не располагаем *верными* средствами, либо располагаем ими в очень незначительной степени: известно, что проблемы психологии животных столь же интересны, сколь трудны. Мы знаем, что в животном мире существуют сообщества — моногамные и полигамные «семьи», стада, стаи, даже «государство» с разделением функций. (Степень дифференцирования функций в сообществах животных отнюдь не параллельна степени дифференцированности органов или морфологического развития у данного вида животных. Так, дифференцированность функций у термитов, а вследствие этого и их артефакты, значительно превышает таковую у муравьев и пчел.) Само собой разумеется, что в настоящий момент очень часто решающим является чисто функциональный подход, то есть выявление главных функций в сообществах животных — добывание пищи, защита от нападения, забота о потомстве, образование новых сообществ, — функций, которые выполняют отдельные типы этих сообществ — «трутни», «матки», «рабочие», «солдаты», половые особи, самки-заменительницы и т. д.: таким выявлением функций исследование должно удовлетвориться. Все то, что до сих пор выходило за пределы таких данных, было либо просто спекуляциями, либо исследовани-

[617]

ем степени, в какой развитие этих «социальных» свойств определялось, с одной стороны, наследственностью, с другой — средой. (Такой характер носят контрверзы между Вейсманом,

в значительной степени оперирующим внеэмпирическими дедукциями в своей книге «Allmacht der Naturzuchtung», и Гетте.) Впрочем, все серьезные исследователи единодушно полагают, что применение одного функционального метода в данной области лишь временное, как они надеются, явление, вызванное необходимостью *удовлетвориться* доступным науке в данный момент. (Так, например, для состояния исследования термитов в работе Эмериха 1909 г.) Цель, конечно, состоит не только в том, чтобы понять достаточно легко постижимую «важность для сохранения вида» тех функций, которые выполняют упомянутые дифференцированные типы, или как объясняют эту дифференциацию те, кто отвергает наследственные признаки, и те, кто принимает данную точку зрения (а в последнем случае и характер ее толкования), мы хотим также знать: 1) какие *решающие* факторы определяют первичную дифференциацию типов внутри нейтрального недифференцированного вида: 2) что *заставляет* дифференцировавшийся вид действовать (в среднем) именно таким образом, чтобы дифференцированная группа продолжала существовать. Повсюду, где в решении перечисленных вопросов наблюдался известный прогресс, знание достигалось экспериментальным путем посредством выявления (или предположения) роли химических раздражителей или моментов физиологического процесса (факторов, связанных с питанием, с ролью насекомых-паразитов и т. д.) у *отдельных* индивидов. В какой мере можно надеяться на весьма проблематичную возможность того, что удастся экспериментально установить также наличие «психологической» и «смысловой» ориентации у животных, вряд ли может определить даже специалист.

Контролируемые данные о психике подобных социальных индивидов животного мира, допускающие «понимание» ее смысла, представляются нам даже в качестве идеальной цели доступными лишь в самых узких рамках. Совершенно очевидно, во всяком случае, что это не будет способствовать нашему «пониманию» социального поведения людей. Наоборот, в психологии животных мы пользуемся и должны пользоваться аналогиями с психикой людей. Можно, пожалуй, ожидать, что когда-нибудь

[618]

такие аналогии окажутся полезными для постановки вопроса: как оценивать на ранних стадиях социальной дифференциации в человеческом обществе значение чисто механической инстинктивной дифференциации в ее отношении к субъективно понятному по своему смыслу, а затем к сознательно, преднамеренно рациональному поведению? Исследователи в области понимающей социологии должны, конечно, отчетливо представлять себе, что на ранней стадии человеческого общества — и здесь безусловно — преобладал первый компонент и что на более поздних стадиях его воздействие (причем чрезвычайно важное воздействие) также сохранилось. Всякое «традиционное» поведение (§ 2) и глубокие пласты «харизмы» в качестве зародыша психической «инфекции» и тем самым носителя «раздражителей» социологического «развития» очень близки в своих незаметных градациях подобным лишь биологически постигаемым процессам, которые недоступны отчетливо интерпретирующему пониманию (или доступны ему лишь частично) и мотивацион-ному объяснению. Однако все это не освобождает понимающую социологию от задачи, которая заключается в том, чтобы, сознавая тесные границы своих возможностей, она совершала то, что только ей *дано* совершить.

Когда Отмар Шпанн в ряде своих работ (где наряду с некоторыми заблуждениями часто встречаются интересные мысли, но, к сожалению, используется аргументация на основе чисто оценочных суждений, недопустимая в эмпирическом исследовании) акцентирует значение для социологии — никем, впрочем, серьезно не оспариваемое — *предварительной* функциональной постановки вопроса, называя это «универсальным методом», он, безусловно, прав. Мы, конечно, должны прежде всего знать, какое поведение функционально *важно* с точки зрения «сохранения» (но также, и прежде всего, культурного своеобразия!) типа социального действия и его определенным образом направленного развития, чтобы затем иметь возможность поставить вопрос, как возникает подобное действие и какие мотивы его определяют. Сначала надо знать, что *делает* «король», «чиновник», «предприниматель», «сутенер», «колдун», то есть какое действие индивида данного типа (которое только и позволяет подвести его под одну

из таких категорий), следовательно, важно для анализа и должно быть известно, прежде чем мы перейдем к такому анализу. (Риккертское поня-

[619]

тие «отнесения к ценности».) Однако только посредством этого анализа социологическое понимание дает то, что оно может и должно дать в вопросе о поведении людей, дифференцированных по различным типам (и *только* в человеческом обществе). Что касается невероятного заблуждения, будто «индивидуалистический» *метод* означает (в *каком бы то ни было* смысле) индивидуалистическую *оценку*, то его следует отвергнуть столь же решительно, как и мнение, согласно которому неизбежный (относительно) рационалистический характер образования понятий свидетельствует о вере в *преобладание* рациональных мотивов или, более того, о политической *оценке* «рационализма». Социалистическая экономика должна быть социологически исследована, то есть интерпретирована и *понята*, совершенно так же «индивидуалистично», то есть исходя из *поведения отдельных людей*, из действующих в ней типов «функционеров», как явления товарно-денежного обмена интерпретируются с помощью теории предельной полезности (или какого-либо другого «лучшего» — если таковой будет найден, — но в *этом* пункте аналогичного метода). Исследование основных проблем эмпирической социологии всегда начинается с вопроса: *какие мотивы заставляли и заставляют* отдельных «функционеров» и членов данного «сообщества» вести себя таким образом, чтобы подобное «сообщество» *возникло и продолжало существовать?* Любое функциональное (отправляющееся от «целого») образование понятий служит здесь лишь *предварительной* стадией, польза и необходимость которой не вызывают никакого сомнения, если оно проведено правильно.

10. «Законы», как обычно называют некоторые положения понимающей социологии, например, «закон Грешема», являют собой подтвержденную наблюдением типическую *вероятность* того, что при определенных условиях социальное поведение *примет* такой характер, который позволит *понять* его, исходя из типических мотивов и типического субъективного смысла, которыми руководствуется действующий индивид. Понятны и однозначны эти «законы» могут быть при оптимальных условиях постольку, поскольку типический наблюдаемый процесс основан на чисто целерациональных мотивах (или же последние мотивы из соображений методической целесообразности положены в основу конструированного типа), а отношение между средством и целью эмпирически

[620]

определено как однозначное (при «неизбежности» средства). В этом случае можно утверждать, что при строго целерациональном характере поведения оно должно быть именно таким, а не иным (так как преследующие определенную однозначную цель индивиды могут по «техническим» причинам располагать только этими средствами). Данный случай показывает также, насколько неверно считать основой понимающей социологии какую бы то ни было «психологию». Психологию теперь каждый понимает по-своему. Определенные методологические цели оправдывают в ряде случаев применение естественнонаучного по своему характеру деления на «физическое» и «психическое», совершенно чуждое в *этом* смысле наукам о поведении. Результаты психологической науки, которая исследует средствами естественных наук и естественнонаучной методики действительно только «психическое» и, следовательно, *не* стремится — что уж совсем другое — истолковать человеческое действие с точки зрения его предполагаемого *смысла*, могут, конечно, в отдельных случаях (совершенно независимо от методов психологического анализа), так же как выводы любой другой науки, иметь значение для социологии; и действительно, значимость их часто очень высока. Однако социология *не* находится в более близком отношении к ней, чем ко всем другим наукам. Ошибка связана с понятием «психическое»: все то, что не есть «физическое», есть якобы «психическое». Но ведь смысл математической задачи, который индивид имеет в виду, не относится к области «психического». Рациональные размышления человека о том,

соответствуют ли определенные действия определенным интересам по ожидаемым последствиям, и принятое в соответствии с полученным результатом решение ни в коей мере не становятся нам понятнее в результате «психологических» изысканий. Между тем именно на таких рациональных предпосылках социология (включая и политическую экономию) основывает большинство своих «законов». При социологическом объяснении *иррациональных* моментов поведения *понимающая* психология в самом деле может оказать серьезную помощь. Однако такая возможность ничего не меняет в методологическом отношении.

11. Социология конструирует—мы уже многократно указывали на данное обстоятельство как на само собой разумеющуюся предпосылку — типовые понятия и уста-

[621]

навливает общие правила явлений и процессов. Этим она отличается от истории, которая стремится дать каузальный анализ и каузальное сведение *индивидуальных*, обладающих *культурной* значимостью действий, институтов и деятелей. Для образования своих понятий социология берет в качестве парадигм *материал* в значительной степени (хотя и не исключительно) из тех же реальных компонентов поведения, которые релевантны также с точки зрения истории. Социология разрабатывает свои понятия и выявляет закономерности *также* и под тем углом зрения, поможет ли это историческому каузальному сведению важных культурных явлений. В социологии, как и во всякой генерализующей науке, своеобразие социологических абстракций ведет к тому, что ее понятия по сравнению с конкретной реальностью истории неизбежно (относительно) *лишены* полноты содержания. Вместо этого социология дает большую однозначность понятий. Такая однозначность достигается наивысшей — по возможности — смысловой адекватностью, что и является целью образования социологических понятий. Указанная цель может быть с наибольшей полнотой реализована — и на этом мы преимущественно фиксировали внимание в предыдущем изложении — в рациональных (ценностно-рациональных и целерациональных) понятиях и обобщениях. Однако социология пытается выразить в теоретических, адекватных смыслу понятиях и иррациональные (мистические, пророческие, духовные, эмоциональные) явления. *Во всех* случаях, как рациональных, так и иррациональных, она отходит от действительности и служит познанию этой действительности, показывая, что при определении степени *приближения* исторического явления к одному или ряду социологических понятий оно может быть подведено под них. Одно и то же историческое явление может быть, например, в одних своих составных частях «феодалным», в других — «патримониальным», в третьих — «бюрократическим», в некоторых — «харизматическим». Для того чтобы перечисленные слова имели *однозначный смысл*, социология должна в свою очередь создавать «чистые» («идеальные») типы такого рода, чтобы в них могла быть выражена наибольшая *смысловая* адекватность; однако именно потому они столь же редко встречаются в реальности в абсолютно идеальной *чистой* форме, как физическая реакция, полученная в условиях полного вакуума.

[622]

Лишь с помощью *чистого* («идеального») типа возможна социологическая казуистика. Само собой разумеется, что социология сверх того в ряде случаев пользуется и *средним* типом, эмпирико-статистическим по своему характеру; это понятие не требует особого методологического разъяснения. Однако когда в социологии говорится о «*типических*» случаях, всегда имеется в виду *идеальный* тип, который сам по себе *может* быть рациональным или иррациональным, в большинстве случаев (в политической экономии, например, всегда) он рационален, но всегда, независимо от этого, конструируется адекватно *смыслу*.

Надо ясно отдавать себе отчет в том, что в области социологии «среднее», а следовательно, и «средние типы» можно в некоторой степени однозначно образовать *только* там, где речь идет о различии в *степени* качественно *однородных*, определенных по своему смыслу поведений. Это иногда встречается. В большинстве случаев, однако, исторически или

социологически релевантное поведение испытывает воздействие *гетерогенных* мотивов, свести которые к некоему «среднему» в подлинном смысле слова совершенно невозможно. Названные идеально-типические конструкции социального поведения, создаваемые, например, экономической теорией, в том смысле «далеки от действительности», что их значение находит свое выражение в следующем вопросе: каким *было бы* поведение при идеальной и чисто экономически ориентированной целерациональности? Тем самым поведение, в котором какую-то роль, безусловно, играют также традиции, аффекты, заблуждения, воздействие внеэкономических целей и соображений, может быть понято, во-первых, в той мере, в какой оно в данном конкретном случае определяется *также* и экономически целерационально, или — если речь идет о поведении в среднем — обычно именно так и определяется: во-вторых, понимание его *подлинных* мотивов облегчается именно установлением *отличия* реального процесса от идеально-типической конструкции. Совершенно так же следовало бы конструировать идеальный тип последовательного мистически обусловленного акосмического отношения к жизни (например, к политике и экономике). Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем *дальше* они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а

[623]

также их эвристическое значение. Конкретное каузальное сведение отдельных событий в историческом исследовании, по существу, носит такой же характер. Так, например, объясняя, как проходила кампания 1866 г., *необходимо* сначала (мысленно) установить, как в случае идеальной целерациональности *расположили бы* свои войска Мольтке и Бенедикт, если бы каждый из них был полностью осведомлен не только о той ситуации, в которой находится он, но и о ситуации противника. Затем с этой конструкцией сравнивается фактическое расположение войск в упомянутой кампании, чтобы посредством такого расположения каузально *объяснить* отклонение от идеального случая, которое могло быть обусловлено ложной информацией, заблуждением, логической ошибкой, личными качествами полководца или нестратегическими факторами. Таким образом, и здесь (латентно) используется идеально-типическая конструкция.

Конструированные социологические понятия идеально-типичны не только в применении к внешним событиям, но и к явлениям внутренней жизни людей. «Предполагаемый смысл» *реального* поведения в подавляющем большинстве случаев сознается смутно или вообще не сознается. Действующий индивид лишь неопределенно «ощущает» этот смысл, а отнюдь не знает его, «ясно его себе не представляет»; в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой. Очень редко люди, а при массово-однородном поведении лишь отдельные индивиды отчетливо осознают его (рациональный или иррациональный) смысл. В реальной действительности подлинно эффективное, то есть полностью осознанное и ясное по своему смыслу, поведение — всегда лишь пограничный случай. Об этом необходимо помнить при исследовании *реальности* в исторической и социологической науке. Однако последнее обстоятельство не должно препятствовать образованию социологических *понятий* посредством классификации возможных типов «предполагаемого смысла», то есть исходя из того, что поведение действительно ориентировано на его субъективно осознанный смысл. В социологическом исследовании, объектом которого является конкретная реальность, необходимо постоянно иметь в виду ее отклонение от теоретической конструкции; установить степень и характер такого отклонения — непосредственная задача социологии.

[624]

Исследователю очень часто приходится делать выбор между методологически неясными и ясными, но нереальными «идеально-типическими» процессами. При такой альтернативе в научном анализе следует отдавать предпочтение вторым.

2. ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

1. Социальное действие (включая невмешательство или терпеливое приятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других. Оно может быть мстью за прошлые обиды, защитой от опасности в настоящем или мерами защиты от грозящей опасности в будущем. «Другие» могут быть отдельными лицами, знакомыми или неопределенным множеством совершенно незнакомых людей. (Так, например, «деньги» служат средством обмена, которое действующее лицо принимает потому, что ориентирует свои действия на ожидание готовности со стороны многочисленных незнакомых и неопределенных «других» в свою очередь принять их впоследствии в процессе обмена.)

2. Не все типы действия — в том числе и внешнего — являются «социальными» в принятом здесь смысле. Внешнее действие не может быть названо социальным в том случае, если оно ориентировано только на поведение вещных объектов. Внутреннее отношение носит социальный характер лишь в том случае, если оно ориентировано на поведение других. Так, например, действия религиозного характера несоциальны, если они не выходят за пределы созерцания, прочитанной в одиночестве молитвы и т. д. Хозяйствование (отдельного индивида) социально только тогда и постольку, если и поскольку оно принимает во внимание поведение других. В самом общем и формальном выражении, следовательно, — если в таком хозяйствовании отражено признание третьими лицами фактических прав данного индивида распоряжаться своим хозяйством по своему усмотрению. В материальной сфере подобная ситуация может быть выражена, например, в том, что в таком хозяйствовании при потреблении принимается во внимание также и будущая потребность третьих лиц, и «запасы» отчасти ориентируются на это; или если при производстве продуктов в основу ориентации положен предполагаемый спрос на них третьих лиц в будущем.

[625]

3. Не все типы взаимоотношения людей носят социальный характер; социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других. Столкновение двух велосипедистов, например, не более чем происшествие, подобное явлению природы. Однако попытка кого-нибудь из них избежать этого столкновения — последовавшая за столкновением брань, потасовка или мирное урегулирование конфликта — является уже «социальным действием».

4. Социальное действие не идентично ни а) *единообразному* поведению многих людей, ни б) тому, на которое *влияет* поведение других, а) Если многие люди на улице открывают во время дождя зонты, то это (как правило) не означает, что действие человека ориентировано на поведение других; это просто однотипные действия для защиты от дождя, б) Известно, что на поведение человека оказывает сильное влияние просто тот факт, что он находится среди столпившейся «массы» людей (предмет «массовой психологии», исследуемой в работе Лебона); такое поведение определяется как поведение, обусловленное массовостью. Индивид может также оказаться объектом массового воздействия со стороны рассеянных масс людей, если они влияют на него одновременно или последовательно (например, через прессу), и он воспринимает их поведение как поведение многих. Реакции определенного типа становятся возможны только благодаря тому факту, что индивид ощущает себя частью «массы», другие реакции, напротив, этим затрудняются. Вот почему какие-либо события или действия могут вызвать у человека в толпе самые разнообразные чувства — веселость, ярость, воодушевление, отчаяние и любые другие аффекты, которые не возникли бы в результате тех же причин у индивида в одиночестве (или не возникли бы с такой легкостью), при этом (во многих случаях по крайней мере) между поведением индивида и фактом его причастности к толпе может не быть осознанной связи. Подобное поведение, обусловленное (или отчасти обусловленное) только фактом присутствия в толпе как таковым, выражающееся в простой реакции на данное обстоятельство и не *соотнесенное* с ним по своему смыслу, не входит в понятие «социального

действия» в установленном нами значении. Правда, различие здесь с уверенностью провести трудно. Так, например, не только демагог, но и сама массовая аудитория может в различной степени и с

[626]

различной отчетливостью осмысливать свою связь с фактом «массовости». Далее, просто «подражание» поведению других (чему Г. Тард с полным основанием придает большое значение) не является *специфически* «социальным поведением», если оно только реактивно и не ориентировано на поведение другого лица. Граница и в данном случае настолько размыта, что в ряде случаев едва ли можно провести должное различие. Однако тот факт, что индивид заимствует у других что-либо показавшееся ему целесообразным, не составляет социального действия в нашем понимании. Ориентация здесь не *на* поведение другого; индивид *посредством* наблюдения ознакомился с известными объективными возможностями, и на *них* он ориентируется в своем поведении. Его действие *каузально*, но не осмысленно определено поведением другого лица. Напротив, если поведению других подражают потому, что оно «модно», считается традиционным, образцовым, «престижным», или из каких-либо иных соображений такого рода, то такое подражание по своему смыслу соотнесено либо с поведением того, кому подражают, либо с поведением третьих лиц, либо с поведением тех и других. Между этими типами есть, конечно, множество промежуточных стадий. Феномен обусловленности массовостью и феномен подражания не разделяются четкими границами, являют собой пограничные случаи социального действия и будут еще неоднократно встречаться в нашем изложении, например в разделе о традиционном действии (р. II). Причина недостаточной четкости границ объясняется в данном, как и в других случаях, тем, что ориентация на поведение других и смысл собственного действия далеко не всегда могут быть однозначно установлены или даже *осознаны*, а еще реже — осознаны полностью. Уже по одному тому далеко не всегда можно уверенно разграничить простое «влияние» и осмысленную «ориентацию». Однако концептуально их разделять необходимо, хотя чисто «реактивное» подражание имеет *по крайней мере* такое же социологическое значение, как «социальное поведение» в собственном смысле слова. Социология занимается отнюдь не одним «социальным действием», но оно являет собой (во всяком случае, для той социологии, которой мы здесь занимаемся) ее центральную проблему, *конститутивную* для нее как для науки. Впрочем, тем самым мы отнюдь не утверждаем, что эта проблема вообще важнее других.

[627]

II. МОТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Социальное действие, подобно любому другому поведению, может быть: 1) *целерациональным*, если в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной *цели*, 2) *ценностно-рациональным*, основанным на вере в безусловную — эстетическую, религиозную или любую другую — *самодовлеющую* ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет; 3) *аффективным*, прежде всего *эмоциональным*, то есть обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида; 4) *традиционным*; то есть основанным на длительной привычке.

1. Чисто традиционное действие, подобно чисто реактивному подражанию (см. предыдущий параграф), находится на самой границе, а часто даже за пределом того, что может быть названо «осмысленно» ориентированным действием. Ведь часто это только автоматическая реакция на привычное раздражение в направлении некогда усвоенной

установки. Большая часть привычного повседневного поведения людей близка данному типу, занимающему определенное место в систематизации поведения не только в качестве пограничного случая, но и потому, что верность привычке может быть здесь осознана различным образом и в различной степени (об этом ниже). В ряде случаев этот тип приближается к типу № 2.

2. Чисто аффективное действие также находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознанно ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычное раздражение. Если действие, обусловленное аффектом, находит свое выражение в *сознательной* эмоциональной разрядке, мы говорим о сублимации. В таком случае этот тип уже почти всегда близок к «ценностной рационализации», или к целенаправленному поведению, или к тому и другому.

3. Ценностно-рациональная ориентация действия отличается от аффективного поведения осознанным определением своей направленности и *последовательно* планируемой ориентацией на нее. Общее их свойство заключается в том, что смысл для них состоит не в достижении

[628]

какой-либо внешней цели, а в самом определенном по своему характеру поведении как таковом. Индивид действует под влиянием аффекта, если он стремится немедленно удовлетворить свою потребность в мести, наслаждении, преданности, блаженном созерцании или снять напряжение любых других аффектов, какими бы низменными или утонченными они ни были.

Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности «предмета» любого рода. Ценностно-рациональное действие (в рамках нашей терминологии) всегда подчинено «заповедям» или «требованиям», в повиновении которым видит свой долг данный индивид. Лишь в той мере, в какой человеческое действие ориентировано на них — что встречается достаточно редко и в очень различной, большей частью весьма незначительной степени, — можно говорить о ценностно-рациональном действии. Как станет ясно из дальнейшего изложения, значение последнего настолько серьезно, что позволяет выделить его в особый тип действия, хотя здесь и не делается попытка дать исчерпывающую в каком-либо смысле классификацию типов человеческого действия.

4. Целерационально действует тот индивид, чье поведение ориентировано на цель, средства и побочные результаты его действий, кто рационально *рассматривает* отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, *не* аффективно (прежде всего не эмоционально) и *не* традиционно. Выбор между конкурирующими и сталкивающимися целями и следствиями может быть в свою очередь ориентирован *ценностно-рационально* — тогда поведение целерационально только по своим средствам. Индивид может также включить конкурирующие и сталкивающиеся цели — без ценностно-рациональной ориентации на «заповеди» и «требования» — просто как данные субъективные потребности в шкалу по степени их *сознательно* взвешенной необходимости, а затем ориентировать свое поведение таким образом, чтобы эти потребности по возможности удовлетворялись в установленном порядке (принцип «предельной полезности»). Ценностно-рациональная ориентация действия может, следовательно, находиться

[629]

в различных отношениях с целерациональной ориентацией. С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда *иррациональна*, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение, ибо она тем в меньшей степени принимает во внимание последствия совершаемых действий, тем безусловнее для нее *самодовлеющая ценность* поведения как такового (чистота убеждения, красота, абсолютное

добро, абсолютное выполнение своего долга). Впрочем, абсолютная целерациональность действия тоже в сущности лишь пограничный случай.

5. Действие, особенно социальное, очень редко ориентировано *только* на тот или иной тип рациональности, и самая эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентаций действия; они являют собой созданные для социологического исследования понятийно чистые типы, к которым в большей или меньшей степени приближается реальное поведение или — что встречается значительно чаще — из которых оно состоит. Для нас доказательством их целесообразности может служить только результат исследования.

III. СОЦИАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ

Социальным «отношением» мы будем называть поведение нескольких людей, *соотнесенное* по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это. Следовательно, социальное отношение полностью и исключительно состоит в *возможности* того, что социальное поведение будет носить доступный (осмысленному) определению характер: на чем эта возможность основана, здесь значения не имеет.

1. Тем самым признаком данного понятия служит — пусть даже минимальная — степень отношения *одного* индивида к *другому*. Содержание этого отношения может быть самым различным: борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, рыночный обмен, «выполнение» соглашения, «уклонение» или отказ от него, соперничество экономического, эротического или какого-либо иного характера; сословная, национальная или классовая общность (в последнем случае — *если* такие отношения выходят за рамки простых совместных действий и являются социальным поведением; см. об этом ниже). Таким образом, понятие «социальное отношение» как таковое *ничего* не го-

[630]

ворит о том, идет ли речь о «солидарности» действующих лиц или о прямо противоположном.

2. Речь здесь идет о *предполагаемом* участниками эмпирическом смысле — о действительном или усредненном в конкретном случае, о конструированном в «чистом» типе, но никогда — о нормативно «правильном» или метафизически «истинном». Социальное отношение *имеется* даже в тех случаях, когда речь идет о таких социальных образованиях, как «государство», «церковь», «сообщество», «брак» и т.д., и полностью и исключительно состоит в возможности того, что доступное определению действие, соотнесенное с действием другого по своему смыслу, было, есть и будет.

Об этом следует всегда помнить во избежание субстанциального толкования указанных понятий. «Государство», например, перестает «существовать» в социологическом смысле, как только исчезает *возможность* функционирования определенных типов осмысленно ориентированного социального действия. Такая возможность может быть очень большой или минимальной. Однако только в этом смысле и в той *мере*, в какой она действительно (приблизенно) существовала или существует, существовало или существует и данное социальное отношение. Никакого другого *ясного* смысла утверждение, что какое-либо «государство» существует или уже не существует, не может иметь.

3. Мы никоим образом не утверждаем, что индивиды, соотносящие свое поведение друг с другом, вкладывают в социальное отношение *одинаковый* смысл или что каждый из них внутренне принимает смысл установки своего контрагента, что, следовательно, в *этом* смысле здесь существует взаимность. «Дружба», «любовь», «уважение», «верность договору», «чувство национальной общности», присущие одной стороне, могут наталкиваться на прямо противоположные установки другой. Если данные индивиды связывают со своим поведением различный смысл, социальное отношение является объективно «односторонним» для каждого из его участников. Однако и в этом случае их поведение соотнесено, поскольку действующий индивид *предполагает* (может быть, ошибаясь или в какой-то степени неверно), что

определенная установка по отношению к нему (действующему лицу) присуща и его партнеру, и на такое ожидание он ориентирует свое поведение, что может в свою

[631]

очередь иметь (и обычно имеет) серьезные последствия как для его поведения, так и для дальнейших отношений между данными индивидами. Объективно «двусторонним» отношение может быть лишь постольку, поскольку его содержание соотносено таким образом, что оно соответствует ожиданиям партнеров; так, например, если установка отца соотносится с установкой его детей хотя бы приближенно так, как того ожидает (в отдельном или типическом случае) отец. В реальной действительности социальное отношение, полностью покоящееся на обоюдных соответствующих друг другу по своему смыслу установках, — есть пограничный случай. Однако отсутствие обоюдности лишь тогда исключает (по нашей терминологии) «социальное отношение», когда в результате этого исчезает взаимная *соотнесенность* поведения сторон. Здесь, как и всегда, есть множество самых разнообразных промежуточных стадий.

4. Социальное отношение может быть преходящим или длительным, то есть основанным на возможности того, что *повторяемость* поведения, соответствующего смыслу этого отношения (то есть считающегося таковым и ожидаемого), существует. Следовательно, *только* наличие такой возможности, то есть *вероятности* повторения соответствующего данному смыслу поведения, — и *ничто* иное — означает, что социальное отношение в данном случае «существует»; об этом всегда следует помнить во избежание неверных представлений. Утверждение, что «дружба» или «государство» существует, означает, таким образом, только одно: *мы* {наблюдающие} предполагаем наличие в настоящем или прошлом возможности, которая заключается в том, что на основании определенного рода установки определенных людей *поведение* их обычно проходит в рамках *усреднение предполагаемого* смысла. Ничего другого в приведенном утверждении не заключается (см. № 2). Неизбежная в *юридическом* мышлении альтернатива, согласно которой *правовое* положение определенного содержания либо значимо (в юридическом смысле), либо нет, а *правовое* отношение либо существует, либо нет, в социологическом понимании, следовательно, *не* присутствует.

5. Содержание социального отношения может изменяться: так, например, в политических отношениях солидарность может превратиться в коллизию, вызванную столкновением интересов. Следует ли в подобных случаях

[632]

говорить о возникновении «новых» отношений или о новом содержании, которое теперь обрели прежние, — не более чем вопрос терминологической целесообразности, зависящий *от продолжительности* наступившего изменения. Содержание социального отношения может быть также частично неизменным, частично меняющимся.

6. Смысловое содержание, констатирующее социальное отношение на *длительное время*, может быть сформулировано в «максимах», следования которым, усредненного или приближенного по своему смыслу, стороны *ждут* от своих партнеров и на которые они в свою очередь (усредненно или приближенно) ориентируют свое поведение. Чем рациональнее — по цели или ценности — ориентировано данное поведение, тем более применим такой метод. Очевидно, что в случае эротических или вообще аффективных отношений (например, основанных на уважении) возможность рациональной формулировки предполагаемого смыслового содержания значительно меньше, чем, скажем, при заключении делового контракта.

7. Содержание социального отношения может быть сформулировано по *взаимному соглашению*. Это означает, что все его участники дают определенные *заверения* (то ли друг другу, то ли вообще) по поводу своего поведения в будущем. В этом случае каждый участник соглашения рассчитывает — в той мере, в какой он рассуждает рационально, — прежде всего обычно на то (с различной степенью надежности), что *другой* будет в своем поведении

ориентироваться на смысл соглашения так, как он (то есть первое действующее лицо) этот смысл понимает. Свое поведение он ориентирует частично на подобное ожидание целерационально (в зависимости от степени его лояльности), частично ценностно-рационально—на «долг», который он усматривает в том, чтобы в свою очередь «соблюдать» соглашение в соответствии с тем, как он понимает его смысл. На этом мы здесь остановимся.

IV. ТИПЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ. ПРАВЫ. ОБЫЧАИ.

В области социального поведения обнаруживается фактическое единообразие, то есть последовательность действий с типически идентично *предполагаемым* смыслом повторяется отдельными индивидами или (эвентуально одновременно) многими. Такими *типами* поведения [633]

занимается социология в отличие от истории, исследующей каузальное сведение важных, имеющих решающее значение, единичных связей.

Фактически существующую возможность единообразия в установках социального поведения мы будем называть *нравами*, в том случае, если (и в той мере, в какой) их существование внутри определенного круга людей объясняется *просто* привычкой. Нравы мы будем называть *обычаем*, если фактические привычки *укоренились* в течение длительного времени. Обычай мы будем определять как «обусловленный *интересами*», если (и в той мере, в какой) возможность его эмпирического наличия обусловлена *только* чисто целерациональной ориентацией поведения отдельных индивидов на одинаковые *ожидания*.

1. К нравам относится и «мода». «Мода» будет причисляться к нравам в том случае (обратном тому, что было сказано об обычае), если причиной ориентации становится нечто *новое* в поведении. Мода близка «условности», так как, подобно «условности», она (большей частью) связана с *сословными* престижными интересами. Подробнее этим вопросом мы здесь заниматься не будем.

2. «Обычаем» в отличие от «условности» и «права» мы будем называть *не* гарантированное внешним образом правило, которым действующее лицо фактически руководствуется добровольно — то ли просто «не задумываясь», то ли из «удобства» или по каким-либо другим причинам — и вероятного следования которому оно из тех же соображений может ждать от людей того же круга. В этом смысле обычаи не являются чем-то «значимым»; ни от кого не «требуют» их соблюдения. Переход от этого к *условности* и *праву*, конечно, точно установлен быть не может. Традиции повсюду стали источником значимости. В настоящее время «принято» завтракать более или менее определенным образом, однако никто не «обязан» следовать данной традиции (разве что посетители ресторанов); однако это не всегда было принято. Напротив, манера одеваться, даже в той мере, в какой она связана с нравами, теперь в значительной степени уже превратилась в условность.

3. Многочисленные бросающиеся в глаза проявления единообразия в социальном поведении, прежде всего (но не только) в экономическом поведении, объясняются отнюдь не ориентацией на какую-либо считающуюся «значимой» норму, но и не обычаем, а просто тем фактом, что

[634]

данный тип социального поведения, по существу, больше всего в среднем соответствует, по субъективной оценке индивидов, их естественным *интересам* и что на эти взгляды и знания они ориентируют свое поведение. В качестве примера можно привести ценообразование на «свободном» рынке. Индивиды, интересы которых связаны с рынком, ориентируют свое поведение, рассматриваемое ими как «средство», на собственные *типические* субъективные хозяйственные интересы в качестве «цели» и на столь же типические ожидания предполагаемого поведения других в качестве «условий» для достижения этой цели. По мере

того как они действуют таким образом — чем *более* целерационально их поведение, тем более сходны их реакции на данные ситуации, — возникают единообразие, регулятивность и длительность установки и поведения, которые часто обладают значительно большей стабильностью, чем поведение, ориентированное на нормы и обязанности, считающиеся «обязательными» в определенном кругу. Тот факт, что ориентация только на собственные и чужие интересы достигает эффекта, которого обычно пытаются — и очень часто тщетно — добиться с помощью норм, привлек пристальное внимание исследователей, прежде всего в области экономики. Можно даже считать, что именно это наблюдение явилось одним из факторов, определивших возникновение политической экономики как науки. Однако значимость указанного явления распространяется и на все остальные сферы человеческого поведения. В своей неосознанности и внутренней свободе оно представляет собой полярную противоположность, с одной стороны, всем видам внутренней связанности привычными «обычаями», с другой — подчинению нормам, которые считаются рациональными по своей ценности. Одним из существенных компонентов «рационализации» поведения является замена внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптацией к конstellляции интересов. Конечно, понятие «рационализации» поведения подобной заменой не исчерпывается. Ибо, помимо этого, «рационализация» поведения может — позитивно — идти в направлении сознательной ценностной рационализации или — негативно — вытеснять не только обычаи, но и аффективное поведение и, наконец, двигаться в направлении чисто целерациональном, отвергающем ценностную рациональность поведения. С такой *многозначностью в истолковании* понятия «рациона-

[635]

лизации» поведения мы еще не раз встретимся в дальнейшем. (Концептуализация этого явления будет дана ниже.)

4. Стабильность *обычая* (как такового) основана, в сущности, на том, что индивид, не ориентирующийся на него в своем поведении, оказывается вне рамок «принятого» в его кругу, то есть должен быть готов переносить всякого рода мелкие и крупные неудобства и неприятности, пока большинство окружающих его людей считается с существованием обычая и руководствуется им в своем поведении. Стабильность *конstellляции интересов* основана сходным образом также на том, что индивид, не ориентирующийся в своем поведении на интересы других — не «считающийся» с ними, — вызывает их противодействие или приходит к не желаемому и не предполагаемому им результату, вследствие чего может быть нанесен урон его собственным интересам.

V. ПОНЯТИЕ ЛЕГИТИМНОГО ПОРЯДКА

Поведение, особенно социальное поведение, а также социальные отношения могут быть ориентированы индивидами на их *представление* о существовании *легитимно-го порядка*. Возможность такой ориентации мы будем называть «значимостью» данного порядка.

1. Под «значимостью» порядка следует понимать нечто большее, чем простое единообразие социального поведения, обусловленное обычаями или конstellляцией интересов. Если агентства по транспортировке мебели регулярно предлагают свои услуги ко времени предполагаемых переездов, то такая регулярность основана на их заинтересованности. Если мелочной торговец обходит свою клиентуру в определенные дни месяца или недели, то это либо результат длительной привычки, либо также проявление его заинтересованности (товарно-денежный оборот в районе). Однако если чиновник ежедневно является в бюро в определенный час, то такое его поведение вызвано не *только* привычкой (обычаем) и не *только* собственными интересами, которые он мог бы принимать или не принимать во внимание (хотя отмеченные моменты играют здесь известную роль); как правило, это вызвано «значимостью» для него

системы (служебной регламентации), выражающейся в требовании, нарушение которого не только принесло бы ему вред, но и (в большинстве случаев) несовместимо (в большей или [636]

меньшей степени) с его «чувством долга» как рациональной ценностью.

2. Содержание социальных отношений мы будем называть «порядком» только в тех случаях, когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчетливо определяемые максимы. Говорить о «значимости» порядка мы будем только в тех случаях, когда фактическая ориентация на эти максимы происходит хотя бы отчасти (то есть в той степени, в какой она может играть практическую роль) потому, что они считаются значимыми для поведения индивида, то есть обязательными для него, или служат ему образцом, достойным подражания. В действительности в основе ориентации действующих лиц на систему лежат различные мотивы. Однако тот факт, что *наряду* с другими мотивами требования системы хотя бы для ряда людей служат образцом и обязательным условием их деятельности, то есть *сохраняют* для них значимость, увеличивает — и часто в очень значительной степени — вероятность ориентации поведения на данный порядок.

Порядок, устойчивость которого основана *только* на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее, чем тот порядок, ориентация на который основана только на обычае, привычке к определенному поведению (наиболее распространенный тип внутреннего отношения). Однако последний еще несравненно более лабилен, чем порядок, обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образец поведения, то есть чем порядок, обладающий *«легитимностью»*. Совершенно очевидно, что в реальной действительности нет четких границ между чисто традиционно или чисто ценностно-рационально мотивированной ориентацией на порядок и верой в его легитимность.

3. «Ориентировать» поведение на «значимость» порядка можно, конечно, не только «следуя» его (усредненно понятаму) смыслу. Даже в тех случаях, когда этот (усреднение понятий) смысл «обходят» или сознательно «нарушают», на поведение в ряде случаев продолжает оказывать *действие* возможность того, что порядок в какой-то мере сохраняет свою значимость (в качестве обязательной нормы). Прежде всего из чисто целерациональных соображений. Вор, скрывая свой поступок, ориентируется на значимость законов уголовного права. Он *вынужден* скрывать его именно потому,

[637]

что в определенной среде порядок сохраняет свою «значимость». Однако, оставляя в стороне этот пограничный случай, очевидно следующее: очень часто нарушение порядка ограничивается более или менее многочисленными частичными проступками или этому нарушению пытаются с большей или меньшей убедительностью придать облик легитимности. Но бывает, что в самом деле сосуществуют различные понимания смысла данной системы; тогда каждое из них «значимо» для социологии в той мере, в какой оно определяет реальное поведение. Социологу не представляет труда признать сосуществование значимости различных противоречащих друг другу систем внутри одного и того же круга людей. Ведь даже отдельный индивид может ориентировать свои действия на противоречащие друг другу системы. И не только последовательно, как это случается каждодневно, но и в рамках одного действия. Человек, участвующий в дуэли, ориентирует свое поведение на кодекс чести; скрывая же свои действия или, наоборот, представ перед судом, он ориентируется на уголовное законодательство. Правда, если обход или нарушение (в среднем принятого) смысла какого-нибудь порядка превращается в *правило*, то значимость такого порядка становится уже ограниченной или вообще утрачивается. Следовательно, значимость и отсутствие значимости определенного порядка не являются в социологии абсолютной альтернативой, подобно тому как это имеет место в юриспруденции с ее непреложными целями. Напротив, здесь границы между обоими случаями стерты; «значимы», как мы уже указывали, могут быть одновременно

противоположные друг другу системы, каждая из них — в той мере, в какой существует *вероятность* того, что поведение действительно будет ориентировано на нее.

Тот, кто знаком с литературой по данному вопросу, вспомнит о понятии «порядка» у Р. Штаммлера в цитированной нами в предварительных замечаниях книге, блестяще написанной, как и все его работы, в которой, однако, он совершенно неверно и путано рассматривает эту проблему. Штаммлер не только не разделяет эмпирическую значимость и значимость нормативную, но, более того, не понимает, что социальное поведение ориентируется не *только* на «порядок»; и прежде всего порядок превращается у него, логически совершенно неправомерно, в «форму» социального поведения, а затем

[638]

ему приписывается та роль по отношению к «содержанию», которую играет «форма» в теоретико-познавательном смысле. (Других ошибок мы здесь касаться не будем.)

Действительно, хозяйственная деятельность, например, ориентируется (в первую очередь) на представление о скудости определенных, имеющихся в наличии средств удовлетворения потребностей по сравнению с (предполагаемыми) потребностями, и на предполагаемое в настоящем и будущем поведение третьих лиц, располагающих теми же средствами. Однако *при этом* хозяйственная деятельность в выборе своих средств, конечно, ориентируется, *кроме того*, на те «порядки», значимость которых в качестве законов и условий известна действующему лицу; то есть ему известно, что их нарушение вызовет определенную реакцию третьих лиц. Это чрезвычайно простое эмпирическое положение дел Штаммлер безнадежно запутал и, в частности, объявил, что каузальное отношение между системой и реальным поведением концептуально невозможно. Между юридически догматической, нормативной значимостью системы и эмпирическим явлением действительно нет каузального отношения; здесь возможны только такие вопросы: «относится» ли юридически данное эмпирическое явление к {*правильно* интерпретируемому) порядку? *Должен* ли он считаться *для* него (нормативно) значимым? И если да, то что он в качестве нормативно значимого от него требует? Между возможностью того, что поведение ориентируется на *представление о* значимости так или иначе усреднение понятого порядка, и экономическим поведением, безусловно, существует (при известных условиях) каузальное отношение в самом обычном смысле слова. Для социологии именно такая возможность ориентации на это *представление* и есть значимый порядок *как таковой*.

VI. ТИПЫ ЛЕГИТИМНОГО ПОРЯДКА: УСЛОВНОСТЬ И ПРАВО

1. Легитимность порядка может быть *гарантирована* только внутренне, а именно:

1) чисто аффективно: эмоциональной преданностью:

2) ценностно-рационально: верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших

[639]

непреложных ценностей (нравственных, эстетических или каких-либо иных);

3) религиозно: верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка.

II. Легитимность порядка может быть гарантирована также (или только) ожиданием специфических внешних последствий, следовательно, интересом, причем это ожидание особого рода.

Порядком мы будем называть: а) *условность*, если ее значимость внешне гарантирована возможностью того, что любое отклонение натолкнется внутри определенного круга людей на (относительно) общее и практически ощутимое порицание; б) *право*, если порядок внешне гарантирован возможностью (морального или физического) *принуждения*, осуществляемого

особой группой людей, в чьи непосредственные функции входит охранять порядок или предотвращать нарушение его действия посредством применения силы.

1. Условностью мы будем называть «обычай», который считается в определенном *кругу людей* «значимым» и невозможность отклонения от которого гарантируется порицанием. В отличие от права (в принятом нами смысле слова) здесь отсутствует специальная *группа* людей, осуществляющая принуждение. Если Штаммлер видит критерий различия между условностью и правом в совершенно «добровольном» подчинении, то это не соответствует обычному словоупотреблению и не подтверждается его собственными примерами. Следование «условности» (в обычном смысле слова), то есть необходимость придерживаться принятой манеры приветствия, одежды, определенных границ в общении по форме и содержанию, весьма серьезно «ожидается» от индивида как обязательное соответствие принятым образцам и отнюдь не предоставляется его свободному решению на манер того, как обычай позволяет индивиду по своему усмотрению выбрать свои трапезы.

При нарушении условности (например, «профессиональной этики») социальный бойкот со стороны людей одной профессии часто оказывается значительно более действенной и ощутимой карой, чем та, которую мог бы вынести судебный приговор. Здесь отсутствует только специальная группа людей, гарантирующая повиновение (у нас это судьи, прокуроры, чиновники, судебные

[640]

исполнители и т.д.). Однако граница эта не может быть точно очерчена. Пограничным случаем конвенциональной гарантии, переходящей в правовую гарантию системы, является угроза подлинного *организованного* бойкота. В нашей терминологии это уже средство юридического принуждения. В данном случае нас не интересует то обстоятельство, что гарантией условности может быть не *только* порицание, но и другие средства (как, например, использование права хозяина дома при поведении, нарушающем условность, принятую в данном кругу людей). Решающим здесь является то, что такие (часто жесткие) меры принуждения применяет *отдельный* человек именно в *качестве* конвенционального порицания, а не специально предназначенная для этого *группа* людей.

2. Мы в данном случае считаем решающим для понятия «права» (которое для других целей может быть определено совершенно иным образом) наличие специальной *группы* принуждения. Она, разумеется, совсем не должна быть всегда похожа на то, к чему мы привыкли теперь. Прежде всего, совсем не обязательно наличие «судебной» инстанции. Такой группой может быть, например, «род» (в вопросах кровной мести и «фай-ды»), *если* для его реакции действительно значимы установления какой-либо системы. Впрочем, это крайний случай того, что можно еще считать «юридическим принуждением». Как известно, международное право часто не признавалось «правом», ввиду того что оно не гарантировано наличием надгосударственной принудительной власти. Для принятой здесь (из соображений целесообразности) терминологии порядок, гарантированный извне только ожиданием порицания и репрессий — следовательно, конвенционально и констелляцией интересов, — где отсутствует группа людей, действия которых *специально* направлены на его сохранение, не может быть определен как «право». Вполне вероятно, что в рамках юридической терминологии определение это может быть противоположным.

Средства принуждения здесь иррелевантны. Сюда относится даже «братское предупреждение», принятое в ряде сект в качестве первичной меры мягкого воздействия на грешников, при условии что оно основано на определенном правиле и совершается специальной группой людей. То же можно сказать о порицании, выска-

[641]

занном цензорами, если оно служит средством гарантировать «нравственные» нормы поведения, а тем более о моральном принуждении, которое осуществляет церковь. Следовательно, «право» может быть иерократическим и политическим, может быть

гарантировано статутами какого-либо объединения или авторитетом главы дома, сообществами или ассоциациями. Свод правил поведения студентов в рамках данного концептуального определения также имеет значение «права». Само собой разумеется, что сюда относятся и не обеспеченные правовой санкцией случаи, предусмотренные в секции 888 § 2 свода процессуальных норм гражданского права. «*Leges imperfectae*» и категория не караемых судом обязательств суть формы юридического языка, в которых *косвенным образом* определены границы или условия применения принуждения. Насильственно введенные правила дорожного движения в этом смысле — *право* (см. § 157, 242 свода гражданских законов).

3. Значимый порядок не обязательно должен быть общим, абстрактным по своему характеру. Значимое «правовое положение» и «судебное решение» в конкретном случае совсем не всегда были так резко отграничены одно от другого, как нам представляется вполне естественным сегодня. «Система» *может* поэтому применяться к отдельному конкретному случаю. Все остальное относится уже к социологии права. Наиболее целесообразно, как мы полагаем, пользоваться (если особо не оговорено обратное) современным представлением об отношении правовых положений к судебным решениям.

4. «Внешне» гарантированные системы могут быть гарантированы и «внутренне». Взаимоотношения между правом, условностью и этикой не составляют проблемы для социологии. «Этическим» социология считает тот критерий, для которого специфическая ценностно-рациональная *вера* людей служит нормой человеческого поведения, пользующегося предикатом «хорошего» в нравственном отношении, так же как поведение, применяющее предикат «красивый», прилагает к своему определению эстетический критерий. В этом смысле этические нормативные представления могут очень сильно влиять на поведение людей, без какой-либо внешней гарантии. Подобное обычно происходит в тех случаях, когда нарушение указанных норм серьезно не затрагивает чужих интересов. Однако часто соблюдение

[642]

норм гарантируется религией; они могут гарантироваться и конвенционально (в смысле используемой здесь терминологии) посредством вынесения порицания при их нарушении или бойкота, а также юридически посредством санкций уголовного и гражданского права или вмешательства полиции.

Подлинно значимая в социологическом смысле этика в большинстве случаев обычно гарантируется тем, что ее нарушение может вызвать неодобрение, то есть гарантируется конвенционально. Однако не все (во всяком случае, не обязательно) конвенционально или юридически гарантированные системы претендуют на *этическую* нормативность, причем правовые, в ряде случаев чисто целерациональные по своему характеру, претендуют еще в значительно меньшей степени, чем конвенциональные. Следует *ли* относить к сфере «этики» распространенное в определенном кругу представление о значимости или не следует (то есть рассматривать его в последнем случае «просто» как условность или «просто» как норму права), решается для эмпирической *социологии* только в соответствии с тем, какое понятие «этического» фактически определяло или определяет поведение в данном кругу людей. Поэтому никакого обобщения здесь быть не может.

[643]

Текст приводится по изданию:

Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. — М.: Прогресс, 1990. — 808 с.— (Социологич. мысль Запада).